

Он, стиснув зубы, поднялся с кровати, на груди туго забинтованной. Надев одежду, он спустился с кровати. Медсестра, проходящая по коридору, увидев, что он двигается, поспешно подбежала поддержать его.

— Нельзя так резко двигаться! Пулю только что извлекли, скорее возвращайтесь в постель!

— Я... я хочу в туалет, — солгал Шэнь Цин, беря куртку и делая вид, что надевает её.

— В палате есть совмещенный санузел, — медсестра оказалась проницательной. — Лежите спокойно, не бегайте.

Она вышла.

Шэнь Цин прищурился, наблюдая, как она удаляется, затем осторожно, стиснув зубы от боли, натянул куртку. В кармане куртки оставалось немного мелочи. Крадучись, он прошёл по коридору, избегая врачей, сел в лифт и спустился на первый этаж. Желание увидеть бабушку становилось всё сильнее. Возможно, из-за того, что он чудом остался жив, он больше не хотел ни о чём заботиться.

— Господин Лу, эй, господин Лу, он...! — с другой стороны холла один из телохранителей Лу Тяньмина, держа в руках два пакета с питательными продуктами, воскликнул от удивления и уже хотел броситься перехватить, но был остановлен самим Лу Тяньмином в тёмном пальто.

— ...А я хочу посмотреть, куда он направится, — низко произнёс Лу Тяньмин.

Шэнь Цин поймал такси и потратил три-четыре часа, чтобы добраться до своего старого, обветшалого жилого комплекса. Застегнув молнию на куртке, он вбежал в подъезд, где жила бабушка, поднялся на третий этаж. Рана ныла, но ему было не до этого.

Старая металлическая дверь его квартиры была приоткрыта, тёплый жёлтый свет мигал. Его бабушка стояла на маленькой табуретке, пытаясь дотянуться до лампочки, чтобы заменить её на новую, но не могла, тяжело дыша от усталости.

— ...Я... я помогу, — не раздумывая, Шэнь Цин шагнул в дом, вызвался помочь, поддержал бабушку, пока та слезала, заменил лампочку, а спустившись, обнаружил, что бабушка смотрит на него широко раскрытыми глазами.

— Ты кто?

У Шэнь Цина защемило в носу. Вид бабушки, снимающей очки для чтения, разбил ему сердце. Его лицо было уже не прежним, даже родные не узнавали.

— Я... я друг Шэнь Цина. Он... он попросил меня навестить вас, — солгал он, вдыхая знакомый запах дома. Белые магнолии, сорванные бабушкой, стояли на столе, распространяя лёгкий аромат. В окне разбито стекло, заклеенное плакатом. Чехлы на диване были старыми, с потёртостями и выцветшие.

Но это был его дом, место, где он вырос. Как бы беден и стар он ни был, это был его дом.

— О, — отозвалась бабушка, повернулась, похлопала по фартуку и направилась на кухню. — Когда Шэнь Цин сможет вернуться домой? Я думаю, у него скоро день рождения, хочу приготовить ему суп из чёрной курицы. Передай ему: если не вернётся, не получит ни глотка.

Слёзы потекли по щекам Шэнь Цина. Он шмыгнул носом, поднял взгляд на потрескавшийся потолок.

— Хорошо. Тогда... я только что видел внизу, продают хорошие яблоки. Схожу, куплю, принесу. Вы же их любите?

— И ты тоже, так поздно вернулся. Я приготовила твою любимую жареную баклажанную закуску. Идёшь на кухню накладывать рис? Ах ты, паршивец, ещё и чтобы я тебе рис подала? Даже сам Небесный Император так не прислуживает!

Сердце Шэнь Цина бешено заколотилось. Он обернулся, его лицо уже было залито слезами.

— Бабушка, — тихо сказал он.

Старушка Шэнь стояла в дверях кухни, глядя на него и улыбаясь, все морщинки на лице разгладились.

— Только этот заячий помёт ещё помнит, какими фруктами старуха любит полакомиться, — с улыбкой и руганью произнесла старушка Шэнь.

Глаза Шэнь Цина затуманились. Он обнял старушку, чувства хлынули, как поток, слёзы лились рекой.

— Ах ты, парень, с детства всё горе в себе держал, не говорил. Каким бы ты ни стал, бабушка знает, что у тебя наверняка трудности... Не плачь? Так исхудал... На работе? Плохо питаешься?...

Слёзы застилали глаза Шэнь Цину. Слушая знакомую воркотню бабушки, он наконец почувствовал, как камень с души упал. Единственный в мире родной человек всё ещё узнаёт его. Он никогда ещё так сильно не благодарил небеса.

— Что это за место?

Чёрный седан остановился рядом с полуразвалившимся фруктовым ларьком. Хозяин ларька, размахивая веером, лениво открыл один глаз и уставился на машину так, что глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

Лу Тяньмин, оперевшись локтем о окно машины, разглядывал старый жилой комплекс перед собой. Старые бетонные здания с деревянными рамами, потрескавшейся краской, криво стояли десятка полтора строений. Дорога была в ухабах. В воздухе витал запах, смешанный из гниющих фруктов и сушёных овощей. Поношенные полотенца и шёлковые юбки развевались на верёвках для сушки белья вдоль улицы.

— Забавно, — тихо усмехнулся он, взял у водителя поданную ему папку с документами, пробежался глазами по юношеской фотографии на листе. — Так вот откуда выросла наша маленькая звезда.

— Хорошо, Лян Аньжань, ещё раз, хорошо, СНЯТО!

Прошло полмесяца. Шэнь Цин самовольно выписался из больницы и поспешил вернуться в медиакомпанию «Утренняя звезда», чтобы взять несколько заказов, полностью погрузившись в работу. Ему нужно было заработать побольше денег, чтобы отремонтировать дом, сделать бабушке жизнь поуютнее.

Он сновал по съёмочной площадке, получив роль второго плана в историческом телесериале. Роль была не большой, но он играл очень старательно. Фан Хай играл главную роль, иногда они репетировали вместе, и Шэнь Цин учился актёрскому мастерству у Фан Хая.

Режиссёру он нравился. Некоторые молодые актёры, добившись небольшой известности, начинали задирать нос, но у него не было и тени высокомерия. Он даже безропотно помогал осветителям держать отражатели, заказывал обеды для всех, убирал на площадке.

— Что он делает?

Иногда Лу Тяньмин проезжал мимо съёмочной площадки и спрашивал у водителя:

— Как ты и говорил, он с энтузиазмом играет второстепенную роль в этом сериале?

— Да, — рассмеялся водитель. — Господин Лу, этот парень забавный, у него мало сцен, но он крутится на площадке и помогает. Вот, смотрите, он там до сих пор держит отражатель для других.

Лу Тяньмин бросил взгляд. Вдалеке, среди суеты съёмочной группы, он сразу заметил Шэнь Цина: с чёрной повязкой на голове, вспотевшего, в простой спортивной куртке и белых кроссовках, похожего на студента-первокурсника.

— Бывают же такие, не хочет содержания от папочки, бежит на съёмочную площадку полы мыть? — Шао Жужэн, развалившись на диване в роскошном клубе, делал причёску, слушая рассказ телохранителя, и покатывался со смеху. — Правда? Ой, есть же люди, которых даже папочка не может заполнить. Впечатляет.

Всё шло хорошо, в беготне прошло ещё полмесяца. Однажды после обеда Шэнь Цин, прислонившись к стене за пределами площадки, повторял реплики. В следующей сцене предстояло работать с подвесной системой, и он немного нервничал.

— Младший брат? — Фан Хай сзади хлопнул его по плечу, заставив вздрогнуть.

Шэнь Цин выпрямился, они стукнулись кулаками.

— Скоро выход на площадку, страшно в подвесной системе?

— Привыкнешь, — Фан Хай, облачённый в длинные одежды эlegantного аристократа, помахал складным веером. — Главное — сохраняй позу, не дёргайся, держись устойчиво, не упадёшь. Будь умницей.

С этими словами он потрепал его по волосам.

— Хорошо... — слова Фан Хая немного успокоили Шэнь Цина.

Он прислонился к стене, наклонился, потянул связки на ногах, затем выпрямил спину.

— Ладно, я постараюсь!

— Старайся, — Фан Хай ценил этого младшего коллегу — трудолюбивого, серьёзного и редко жалующегося на трудности.

Он смотрел, как Шэнь Цин, выпрямившись, прислонился к стене, и вдруг почувствовал что-то неестественное. Телосложение Шэнь Цина было худощавым, с небольшой мускулатурой, ноги

длинные и прямые, но обычно стройные линии тела немного изменились. Под чёрной футболкой нижняя часть живота слегка выпячивалась, словно он переел.

— Младший брат, собираешься в подвесную систему, а так много поел за обедом, смотри, не стошни, — пошутил он.

Шэнь Цин улыбнулся, потирая живот:

— Курица с арахисом за обедом была слишком вкусной, не удержался!

Фан Хай наблюдал, как Шэнь Цин переоделся в белый сценический костюм, несколько работников настраивали подвесную систему, закрепляли тросы по всему телу. Но в сердце его не покидало чувство неестественности. Скрестив руки на груди, он стоял и наблюдал за площадкой. К нему подошёл работник с кофе.

В этом сериале Шэнь Цин играл молодого лисьего духа, принявшего человеческий облик. В белом одеянии его должны были спустить на тросах, чтобы он внезапно появился перед главным героем, а затем снова взмыл вверх. Сцена была не особо сложной, но для него это был первый опыт работы с тросами, поэтому он немного боялся.

Услышав команду режиссёра, он, сжимая в руке длинный меч, успокоил дыхание, повторил про себя реплики и резко опустился перед главным героем. Сыграл он отлично. Затем тросы на бёдрах натянулись, подвесная система потащила его вверх. Сохраняя позу с мечом, он смотрел, как земля становится всё дальше, и уже хотел вздохнуть с облегчением, как вдруг тело резко опустилось вниз.

— Обрыв!!! Осторожно, осторожно!!!

— Боже, ловите!

<http://bllate.org/book/15584/1391676>